

Э. Л. Казакевич

О РОЛИ РАННИХ ФОРМ КАПИТАЛА В АФИНАХ
IV в. до н. э.

(В свете экономической теории Маркса)

Исследование данных о рабстве в частных речах Демосфеновского корпуса привело к некоторым проблемам, связанным с отношениями между ростовщическим и купеческим капиталом и рабовладельческим производством в развитой полисной экономике классической Греции. Нижеследующие рассуждения не претендуют на глубокую обоснованность; для этого требовалось бы, разумеется, исследование значительно более широкого круга источников. Здесь представлен скорее опыт¹ применения общей теории К. Маркса о роли указанных форм капитала к некоторым конкретным данным рабовладельческой экономики Афин IV в. до н. э.

Анализ купеческого и ростовщического капитала в докапиталистических формациях произведен К. Марксом в XX и XXXVI главах III тома «Капитала»². При использовании указаний К. Маркса на роль ранних форм капитала в античности важно иметь ввиду особенности содержания и цель данных исторических экскурсов. Во-первых, главной задачей этих глав являлось выяснение не экономических проблем древней истории, а скорее роли купеческого и ростовщического капитала в период, непосредственно предшествовавший возникновению капитализма. Для правильного понимания того ценного теоретического материала, который дают эти главы историку-античнику, следует постоянно учитывать эту основную задачу указанных глав.

Во-вторых, в этих главах К. Маркс, говоря об античном обществе, останавливается больше всего на той фазе его развития, которая характеризуется господством мелкого крестьянского и ремесленного производства; о более крупных рабовладельческих ремесленных предприятиях, в которых эксплуатировался рабский труд в целях производства прибавочной стоимости, он говорит лишь попутно.

Начну с краткого изложения главных положений указанных двух глав «Капитала», относящихся к античной экономике. Это нужно сделать, так как справедливость любых заключений относительно конкретного ма-

¹ Выводы, к которым приходит автор в настоящей статье, сложились в ходе товарищеских обсуждений на занятиях кружка античников в Институте истории АН СССР по изучению «Капитала» К. Маркса.

² В дальнейшем ссылки в тексте на эти главы приводятся по изданию К. М а р к с, Капитал, т. III, 1955.

териала будет во многом зависеть от правильного понимания теоретической постановки вопроса, как она представлена К. Марксом в более широком ее плане.

* * *

К. Маркс несколько раз упоминает о чертах, являющихся общими для купеческой и ростовщической форм капитала. В одном месте (стр. 607) он даже называет их «близнецами». И купеческий и ростовщический капитал, как говорит К. Маркс, принадлежат к «допотопным формам» капитала (там же). Предпосылкой для существования одного и другого является появление товарно-денежного обращения (стр. 337, 607). С другой стороны, сильное развитие их обеих как свободных форм капитала находится в обратном отношении к развитию производства (стр. 340 сл., 612, 623). Как купеческий, так и ростовщический капитал имеют своим прямым результатом концентрацию денежных средств, «крупных денежных капиталов» (стр. 338, 608). Наконец, деятельность как купеческого, так и ростовщического капитала сама по себе не достаточна для изменения существующего способа производства (стр. 339, 610 сл., стр. 623).

В этих главах «Капитала» К. Маркс подробно не останавливается на противопоставлении купеческого и ростовщического капитала. Но все же из того, что он пишет о каждом из них в отдельности, можно заключить, что воздействие купеческого капитала на развитие производительных сил в докапиталистических формациях он оценивал иначе, чем действие капитала ростовщического. Он пишет, например: «... на основе всякого способа производства торговля способствует созданию избыточного продукта, предназначенного войти в обмен... следовательно, она все более придает производству характер производства ради меновой стоимости» (стр. 338; ср. стр. 344). Наоборот, ростовщический капитал, который генетически тесно связан с развитием денег как средства платежа (стр. 612 сл.), в целом влияет депрессивно на общее экономическое развитие. В отношении самого характерного для него поля деятельности — мелкого крестьянского и мелкого ремесленного производства — ростовщический капитал, пишет К. Маркс, «приводит этот способ производства в бедственное состояние, парализует производительные силы вместо того, чтобы развивать их...» (стр. 610).

В конечном итоге та сила (торговля и применение торгового капитала), которая способствовала расширению производства ради меновой стоимости, способствовала также и поляризации богатств, т. е. тому процессу, который в античности подрывал материальную базу гражданского коллектива. Но если предпосылки для этого процесса и были созданы в первую очередь за счет развития купеческого капитала, то в завершении его, как, по-видимому, представлялось К. Марксу, протагонистом являлся ростовщический капитал (см. стр. 610).

Различие в воздействии купеческого и ростовщического капитала на античную экономику выступает довольно ясно при сопоставлении тех мест, в которых К. Маркс касается взаимоотношений между этими двумя формами капитала и развитым рабовладельческим производством. Развитие купеческого капитала, указывает К. Маркс, при определенных обстоятельствах может способствовать переходу от патриархального рабовладельческого производства к «рабовладельческой системе, направленной на производство прибавочной стоимости» (стр. 344). С другой стороны, ростовщический капитал, вместо того чтобы способствовать дальнейшему развертыванию экономики, «присасывается... как паразит» к уже развивавшемуся способу производства, «высасывает его соки». Когда рабовладелец попадает во власть ростовщика, пишет К. Маркс, «... способ производства остается все тот же; он только начинает тяжелее давить на рабочего» (стр. 610).

Вообще в античности, как и в последующих ф-мациях, деятельность купца нашла свое общественное оправдание в том, что она, выполняя ф-нцию посредника между производителями, способствовала обращению товаров—«...как бы она (эта деятельность.—Э. К.) ни истолковывалась — как надувательство, как труд или как-либо иначе» (стр. 622). Напротив, основная деятельность ростовщика, выражаясь в ф-ме обращения его капитала, Д — Д', — т. е. увеличение денег путем всего лишь их собственного движения — рассматривалась в лучшем случае как нечто мистически св-йственное самой природе денег, объяснялась их способностью «рождать» проценты (τόκοι).

Вместе с тем в деятельности античного ростовщика сочетались в зачаточном виде ф-нкции двух разновидностей денежного капитала, как эти последние обособились при капиталистическом способе производства: техническое обслуживание денежного обращения (ф-нция денежно-торгового или «банковского» капитала) и выдача денег в займы. Последняя является ф-нцией капитала, приносящего проценты, «старинной ф-мой» которого и был ростовщический капитал (стр. 607). Первая представляет собой ф-нцию подвида торгового капитала, а именно, торговли деньгами.

Первоначальными ф-мами торговли деньгами, как пишет К. Маркс в другом месте (стр. 329 сл.), являются меняльное дело и торговля слитками. Основные ф-нкции денежно-торгового капитала вообще К. Маркс характеризует как, во-первых, собиание сокровищ, создание резервного фонда средств платежа и покупательных средств, хранение временно праздных средств, и, во-вторых, как выполнение соответствующих технических услуг кассира. И тут же (стр. 332) К. Маркс пишет: «Торговля деньгами получает полное развитие, когда к ее остальным ф-нциям присоединяется заключение займов, выдача ссуд и торговля в кредит,— а это всегда происходит уже в самом ее начале...», — т. е. ф-нция капитала, приносящего проценты.

В развитых древнегреческих полисах все эти ф-нкции выполняют трапедзиты, являющиеся вместе с тем и самыми крупными носителями ростовщического капитала.

Деньги, ссужаемые ростовщиком, могли иметь производственное назначение, прямое или косвенное. Хотя, затрачиваемые купцом, эти деньги действуют, в прямом смысле, только в с-ре обращения, прибыль, присваиваемая купцом, происходит, конечно, из с-ры производства, путем реализации прибавочного продукта. Там, где существует развитое рабовладельческое производство, деньги, занимаемые рабовладельцем у ростовщика, могут затрачиваться прямо в с-ре производства, прежде всего на покупку основных средств производства, т. е. рабов. Об этом виде применения денежного капитала К. Маркс пишет: «Во всех тех ф-мах, в которых рабское хозяйство (не патриархальное, а как оно сложилось в позднейшую греческую и римскую эпохи) существует как средство обогащения, где, следовательно, деньги служат средством присвоения чужого труда при помощи купли рабов, земли и т. д., — именно потому, что деньги могут быть затрачены таким способом, они приобретают способность применяться как капитал, начинают приносить проценты» (стр. 608).

Говоря чисто формально и не учитывая другие и в конечном счете решающие экономические обстоятельства, можно сказать, что здесь ссуженные деньги играют роль, весьма подобную той, которую они играют, когда их затрачивают на средства производства при капитализме, т. е. когда они превращаются в производительный капитал³. Но если рассмотреть вни-

³ См. К. Маркс, Капитал, т. II, стр. 23 сл.

мательнее указанные общие обстоятельства, то выясняется существенная разница: это сходство не означает полного превращения одной формы капитала в другую. Об этом речь будет идти в дальнейшем.

* * *

К IV в. в относительно передовых городах типа Афин первоначальная деятельность торгового капитала уже, по-видимому, привела к тем результатам, на которые указывает К. Маркс в XX главе III тома «Капитала». В целом ряде греческих городов, рассыпанных по берегам и островам Средиземного моря, прочно установилось производство, направленное на рынок, а эксплуатация рабов как в ремесленных эргастериях, так и в сельском хозяйстве была широко распространена. Отсюда необходимо заключить, что торговый капитал уже тогда, во всяком случае в передовых городах, в значительной степени потерял свою первоначальную функцию соединяющего звена между крайними членами, хозяйствами, производящими не на рынок, а на удовлетворение собственных потребностей (стр. 340, 343 сл.). Однако при этом торговый капитал ни в какой степени не был тогда подчинен производству, не служил «агентом производительного капитала», как К. Маркс определяет функцию купеческого капитала при капитализме (стр. 339; ср. т. II, стр. 52). В греческих городах развитого классического периода как торговля, так и развитое рабовладельческое производство представляли собой арену деятельности для капитала, приносящего проценты, в значительной мере находясь в зависимости от него.

Частные речи Демосфеновского корпуса свидетельствуют о зависимости как купцов, так и владельцев рабовладельческих эргастериев от ростовщического капитала. Главным полем деятельности купеческого капитала являлась морская торговля. Ввиду опасностей, связанных с этим видом торговли, проценты за ссуды были, как известно, особенно высоки⁴. Поэтому ростовщичество интенсивно развивалось в порту, в эмпории. Некий заимодавец хвастается перед афинскими судьями, что без помощи его брата афинский эмпорий совсем бы бездействовал: «Ведь средства на торговлю идут не от тех, кто берет займы, а от тех, кто дает деньги в долг, и ни один корабль, ни один капитан торгового судна (*ναύκληρος*) или купец не может отправляться без участия заимодавцев» (XXXIV, 51). Нам нет, конечно, нужды принимать за чистую монету оценку ростовщиком своих услуг афинскому демосу. Но это и другие места в демосфеновских речах (XXXIII, 6; XXXV, 1) ясно свидетельствуют о том, что афинский порт кишел ростовщиками, как болота гнусом.

Эти же речи говорят также о том, что и купцы, и их «благодетели», т. е. заимодавцы, довольно часто являлись афинскими гражданами; по крайней мере упоминание о таких случаях не вызывало, по-видимому, у слушателей в дикастерии того удивления, которое можно было бы ожидать, если бы это было редким явлением. В качестве примеров можно упомянуть о купцах-афинянах Мегаклиде и Фрасилле в LII, 20, о Никобуле в XXXVII речи, о Тимосфене в XLIX речи (§ 31), о Филиппе — *ὁ ναύκληρος* (XXIV, 138, ср. XLIX, 14), о Миконе той же профессии (LVIII, 6, 10, 12), об отце

⁴ Ссуды на заморскую торговлю, как правило, были обеспечены самим судном или его торговым грузом, или же этими обоими. В случае потери корабля и груза на нем из-за аварии или захвата пиратами заимодавец не мог требовать возмещения ссуженных денег. Поэтому очень высокие проценты, получаемые за такие ссуды, содержали элемент страхования. См. G. M. Calhoun, Risk in Sea Loans in Ancient Athens, «Journ. of Econ. and Business Hist.», II, 4, август, 1930, стр. 574—580; F. Pringsheim, Der Kauf mit fremdem Geld, Lpz, 1916, стр. 18—27.

самого Демосфена (в качестве заимодавца) — XXVII, 11; этот список можно было бы и продолжить. Примечательно также и то, что мы встречаем в одном и том же лице то купца, то заимодавца (например, тот же Никобул, и ср. XXXIII, 4). В эмпории, по-видимому, ссудный и торговый капитал смешивались друг с другом, менялись местами, в какой-то мере в зависимости от перемен коммерческого счастья действующих лиц.

Более устойчивым элементом и, по-видимому, более осторожным и в ссудных операциях являлись трапедзиты. Они отличались от заимодавцев, толпившихся в эмпории, прежде всего тем, что они занимались денежными делами не случайно, а постоянно, профессионально. Основной функцией трапедзитного дела было техническое обслуживание торговли. У трапедзитов купцы оставляли на хранение деньги, деловые документы, у них они обменивали валюту и т. д. Таким образом, трапедзиты представляли собой сравнительно крупные притягательные пункты для концентрации денежного капитала. У трапедзитов лежали деньги и ценности не только мелких торговцев типа гераклеяца Ликона (LII), но и таких афинских богачей, как отец Демосфена и стратег Тимофей.

Только от одного трапедзитного дела Пасион получал ежегодно 100 мин. На этой базе, по-видимому, он расширил свою деятельность уже не как трапедзит, а только как ростовщик. К концу жизни Пасиона его имущество включало, кроме трапедзы, 20 талантов, вложенных в земельную собственность (*ἐγγειος οὐσία* — XXXVI, 5), 50 талантов в деньгах, отданных в рост, а также и эргастерий, приносящий ежегодную прибыль в один талант (XXXVI, 11). Нам не сообщено, каким именно способом трапедзит Пасион приобрел свою земельную собственность и эргастерий, но можно предполагать, что здесь играли главную роль ростовщические ссуды. Во всяком случае, отправным пунктом накопления его богатства являлось трапедзитное дело⁵.

С имуществом отца Демосфена дело обстоит несколько иначе, хотя и здесь деятельность ростовщика играла, может быть, значительную роль в накоплении богатства. Очень трудно установить сколько-нибудь достоверно способ приобретения старшим Демосфеном различных частей его имущества: в оценке, данной оратором, это имущество описано, конечно, не в своем движении, а по его состоянию в момент смерти его владельца. Можно только выдвинуть предположения не столько на основании состава имущества в данный момент, сколько на основании отношения к нему со стороны хозяина.

Опекунские речи Демосфена дают необычайно подробное описание сравнительно крупного владения (около 14 талантов), более 80% дохода от которого заключалось в прибыли, производимой занятыми в ремесленном производстве рабами. Относительно большая сумма дохода от ремесленного производства и фактическое отсутствие недвижимой собственности (всего один дом) у Демосфена-отца сами по себе редкость. Другой материал IV в., содержащий данные о составе имущества афинских граждан (особенно речи Исея), показывает перевес богатства в виде недвижимости, земли и домов. В ряде имуществ, например, в стратокловом (Isae, XI, 42 сл.), стоимостью в 5,5 таланта, или в имуществе, унаследованном его дочерью от Теофонта (XI, 41), стоимостью в 2,5 таланта, большая доля падает на

⁵ Пасион начал свою карьеру как раб у двух трапедзитов (XXXVI, 43 сл.). К 394 г. мы встречаем его самого, уже прочно утвердившегося в качестве трапедзита (I s o c r., XVII), но еще не получившего права гражданства (там же, § 41). Когда именно он начал накапливать земельную собственность, трудно установить. Мы не знаем, было ли дано ему право *ἐχτησις γῆς* до получения им права гражданства, а также того, когда он стал афинским гражданином. Пасион умер в 370 г.

землю и дома, в то время как в числе движимого имущества рабы даже не упоминаются⁶.

Состав имущества Демосфена-отца представляет совсем иную картину: общая сумма стоимости средств производства (рабов-ремесленников и сырья) — 380 мин, или 46% всей стоимости имущества в целом; общая сумма в форме денег — 316 мин, или 38% всего имущества; домашняя утварь и личные ценности — на 100 мин, или 12%, и, наконец, недвижимость в виде дома, оцениваемого в 30 мин, или менее 4% стоимости всего имущества. Таким образом, среди принадлежавших афинским гражданам IV века имуществ, о структуре которых нам известно сколько-нибудь подробно, владение Демосфена выделяется необычно высоким средоточием производственных элементов. В опекунских речах, казалось бы, более чем где-либо в литературе того времени, можно было бы ожидать найти отражение специфической, хотя и малоразвитой, точки зрения производственного предпринимателя. Но тут скорее отражен совсем иной склад мыслей.

Этот подход нагляднее всего проявляется в доводах оратора, касающихся одного из эргастериев, оставленных при имуществе отца. Имеются в виду двадцать мебельщиков, заложенных Демосфену-отцу за заем в 40 мин (XXVII, 9). Хотя эти рабы несколько раз упоминаются как часть имущества Демосфена (например, XXVII, 28, 31), тем не менее оратор говорит о прибыли, поступавшей от их труда, как о процентах на сумму ссуды, за которую они были заложены отцу, и потеря этих рабов считается потерей не их продажной стоимости, а той же ссуды, хотя, казалось бы, упоминание об их стоимости еще более увеличило бы виновность опекунов⁷.

Отмечая эту странную черту в счетоводстве Демосфена, М. И. Финли пишет: «Его отец получил их за заем в 40 мин, и 40 мин должны были навсегда остаться цифрой их стоимости»⁸. М. И. Финли связывает это с особенностью античной ипотеки, при которой заложенное имущество рассматривалось просто как представитель (substitute) одолженной суммы. Однако мне представляется, что в данном случае сказался подход человека, в понимании которого главным источником богатства являются деньги, отданные в рост. Этот подход проступает особенно ясно у Демосфена в следующем расчете ущерба, понесенного унаследованным им имуществом, в результате исчезновения мебельщиков: «Они (т. е. опекуны) надувают меня сперва на 40 мин, основной капитал (τὸ ἀρχαῖον), а затем на нарастание (τὸ ἔργον) на него в течение десяти лет: 2 таланта; ибо они получали ежегодный доход в 12 мин с рабов» (XXVII, 29).

Есть и другие признаки, указывающие на такой же непредпринимательский склад ума. Например, как видно из разных замечаний в опекунских речах (XXVII, 10, 32; ср. XXVIII, 13, XXIX, 38 сл.), даже на сырье для эргастериев смотрели скорее как на какую-то самостоятельную ценность, чем на стоимость, вложенную в производство и необходимо, функциональ-

⁶ Из этого, однако, не обязательно следует, что в Теофонтовом хозяйстве, насчитывавшем не менее 60 овец и сотню коз, не было рабов, как предполагает Уэстерман (The Slave Systems of Ancient Greece and Rome, Phila., 1955, стр. 8; ср. Dem., XLVII, 52). См. перечень имуществ, представленный А. Н. М. Jones, The Social Structure of Athens in the Fourth Century B. C., «Econ. Hist. Rev.», VIII (2-я серия), № 2 (1955), стр. 151, прим. 1.

⁷ Расчеты, основанные на других данных речи XXVII (главным образом, § 9 сл.), о стоимости различных частей имущества Демосфена-отца, показывают, что продажная стоимость мебельщиков не могла быть меньше 65 мин, а скорее была значительно большей.

⁸ M. T. Finley, Studies in Land and Credit in Ancient Athens; 500—200 B. C., New Brunswick, N. J., 1952, стр. 116.

но связанную с ним. Наконец, оратор обвиняет опекунов в том, что в результате их попечения имущество стало гораздо меньшим, тогда как оно могло бы увеличиться в два-три раза. Этот «нормальный» результат должен был быть достигнут не через расширение основного источника дохода — эргастериев, а посредством сдачи в аренду всего имущества (*μισθωσις οἴκου*)⁹. Иначе говоря, Демосфен упрекает опекунов в том, что они не поступали с его имуществом как с капиталом определенного объема, «самим по себе» приносящим проценты.

То, что в экономической мысли мотивы и операции капитала, приносящего проценты, могли заслонять операции капитала производственного применения, может быть расценено как признак все еще очень низкого уровня развития производства¹⁰. Эксплуатация рабского труда в ремесле устанавливала естественную преграду как техническую, так и экономическую (ограничивая рынок) к развитию предприятий крупного масштаба. Вследствие этого капитал в форме денег накапливался главным образом в руках не владельцев эргастериев, а торговцев, в первую очередь торговцев деньгами.

Рабовладельческий способ производства накладывал печать на экономические воззрения древних еще в одном отношении; труд, ежедневно прилагаемый в производстве, представлялся рабовладельцам как естественная функция производителей, которые сами покупались и продавались, подобно любому другому товару, но которые, как и деньги, имели свойство увеличивать «активно» вкладываемую в них стоимость. Как и в случае с ростовщиком, производственный предприниматель (а иногда они объединялись в одном лице, как в Демосфене-отце или в Пасионе — профессиональном ростовщике и владельце ремесленного эргастерия) расходовал сразу большую часть капитала, необходимого для производства, главным образом на приобретение рабов. В счетоводстве рабовладельца этот товар (раб) представлял собой элемент основного капитала, выручка же от производительного потребления его — как процент на деньги, авансированные для его покупки¹¹. С этой точки зрения становится более понятным сопоставление Демосфеном выручки от мебельщиков не с их рыночной ценой, а с суммой, за которую они были заложены его отцу. Ведь эта сумма как раз и представляла собой капитал, авансированный на их приобретение отцом Демосфена.

Опекунские речи красноречиво свидетельствуют (и в этом их показания далеко не единичны) о том, что античный предприниматель придерживался той точки зрения, разделяемой и его современным капиталистическим потомком, что целью его деятельности является скорее производство прибыли, чем самих изделий. Но в других аспектах его взгляды были в корне отличны. Не говоря уже о том, что предприниматель-рабовладелец не имел никаких побуждений провозглашать себя перед обществом благодетелем тех, кого он эксплуатировал, самый процесс эксплуатации не казался ему сколько-нибудь существенно отличающимся от ссудной операции. Здесь, должно быть, играло роль то, что не было никакого периодического повто-

⁹ См. XXVII, 15, 40 слл., 58 слл. и *alibi*. В юридическом отношении сдача в аренду подопечного имущества сирот, которая обеспечивалась недвижимостью арендатора, поощрялась и частично регулировалась Афинским государством как наиболее надежный способ гарантировать сохранность сиротского имущества. См. O. S c h u l t h e s s, s. v. *μισθωσις*, RE, XV (1932), стб. 2111—2113.

¹⁰ Ср. рассуждения К. Маркса о причине заблуждений экономистов, которые «...особенно в странах, где, как во Франции, промышленный капитал не достиг еще полного развития, считают капитал, приносящий проценты, основной формой капитала, рассматривают, напр., земельную ренту лишь как его видоизменение, так как и здесь преобладает форма ссуды» — К. М а р к с, Капитал, т. III, стр. 623.

¹¹ К. М а р к с, Капитал, т. II, стр. 479; ср. там же, III, стр. 637.

рения сделки, по которой он приобретал рабочую силу, не было никакого «*fictio juris* договора»¹².

С другой стороны, то, что в его рабах-ремесленниках воплощалась большая часть первоначальных издержек с его капитала, уже само по себе делало в его глазах очевидной их роль «активного», приносящего доход богатства — роль, которая еще не была скрыта за видимостью трудового контракта в форме обмена равных стоимостей между юридически равноправными товаровладельцами. Как отмечал К. Маркс, способ производства, господствовавший в Афинах IV века, помешал даже такому проницательному аналитику-мыслителю, как Аристотель, обнаружить общий социальный элемент, лежавший в основе товарообмена¹³. Но тот же способ производства вел к тому, что античному эксплуататору рабов-ремесленников был ясен сам по себе физический источник его прибыли.

Таким образом, поскольку можно судить по опекунским речам Демосфена, афинский рабовладелец в своих экономических рассуждениях не отличал предпринимательского помещения своих денежных богатств от ростовщического, не проводил разницы между предпринимательской и ростовщической прибылью. Рабы в обоих эргастериях Демосфена-отца, и ножовщики и конфискованные мебельщики, рассматривались как «активное» имущество (*τὰ ἐνεργή*), совершенно так же, как и деньги, помещенные в ссуду (XXVII, 9 сл.). Если рабовладелец видит в рабах-производителях источник своих доходов, то это только в том смысле, что они представляют собой воплощение капитала, приносящего проценты.

Деньги, наращивающие деньги, «деньги от денег»¹⁴ — именно эта категория, видимо, как объективно, так и субъективно преобладала над предпринимательским капиталом.

К. Маркс говорит (стр. 610 сл. — см. выше) об усилении эксплуатации рабов, когда они попадают в непосредственное владение ростовщика, «жестокое, жадное до денег выскочки». Здесь он имеет в виду рабовладельческое хозяйство патриархального типа, которое раньше производило главным образом не на рынок. Речь идет не об условиях, характерных для рабовладельческих хозяйств в греческих городах развитого классического периода. Когда ростовщик захватывал развитое рабовладельческое предприятие, эксплуатация рабов-производителей могла меняться также только в количественном отношении. Однако, как мне представляется, в последнем случае воздействие ростовщичества на производство оказывалось более существенным в одном отношении. Преобладание свободного денежного капитала в форме ростовщического капитала калечило и лишь односторонне развивало экономические возможности таких хозяйств, уже ограниченных в своем развитии самым фактом рабовладельческих отношений. Рабовладельцу-предпринимателю, чтобы финансировать предварительные расходы на средства производства, приходилось то и дело обращаться к владельцам денежных средств, которые были заинтересованы не в прочности и долгосрочной рентабельности предприятия, а в быстром захвате прибылей. Это неизбежно приводило к обстановке, благоприятствующей скорее удушению, чем развитию производства. Такая обстановка изображена в речи Демосфена против Пантэнета.

Пантэнет купил рудодробильню в Маронее, районе серебряных рудников, и тридцать рабов. Первоначально покупка была, очевидно, финанси-

¹² К. Маркс, Капитал, т. I, 1955, стр. 578; ср. стр. 174.

¹³ См. К. Маркс, Капитал, I, стр. 66; см. A. r i s t., Eth. Nic., V, 5, 8—16.

¹⁴ В такого рода денежной активности Аристотель усматривал худшую форму хрематистики — «ибо она покоится не на природе вещей, а на взаимном падувательстве». См. A. r i s t., Pol., I, 10, 4=1258b; место приводится К. Марксом при рассмотрении формулы ростовщического капитала: Д—Д' (К. Маркс, Капитал, I, стр. 171)

рована, во всяком случае частично, ссудой в 105 мин. Эта ссуда была выплачена посредством новой, опять в 105 мин: кредиторами на этот раз были оратор из XXXVII, Никобул и Эверг. В обоих примерах (и, очевидно, в третьем, точные обстоятельства которого неясны) эргастерий и рабы служили залогом ссуд, и сделки имели форму условных продаж (*πρῶσις ἐπὶ λύσει*¹⁵). Под этой формой первая группа кредиторов «купила» рудодробильное предприятие «для» Пантэнета (§ 5) у прежнего владельца и «продала» его Никобулу и Эвергу, которые затем «сдали его в аренду» Пантэнету «за процент, нарастающий на деньги, ежемесячно в 105 драхм» (т. е. 12% годовых с ссуды в 105 мин). Иначе говоря, то, что было по существу процентом с ссуды, приняло форму арендной платы. Контракт условной продажи предусматривал, при выполнении должником своих «арендных» обязательств, передачу имущества Пантэнету по прошествии определенного периода. В этой форме ипотеки в применении к производственному предприятию скрывается как бы издевка над нищенским положением данного предпринимательского капитала.

Ни Никобул, ни Эверг не были заинтересованы в рудодробильне («собственниками» которой они являлись, по крайней мере формально, на время их ссуды Пантэнету) как в производственном предприятии; для них она представляла имущество, стоимость которого могла быть реализована в случае неуплаты платежных обязательств по ссуде. Пантэнет, оставшийся реальным владельцем и продолжавший пользоваться рудодробильней посредством ряда «арендных» сделок¹⁶, сам едва ли больше заботился о предпринимательских возможностях имущества, приобретенного и удерживаемого им через столь сложное и ненадежное финансирование. Об этом можно судить по тому, что, когда представилась возможность получить сумму, почти вдвое превосходящую извлекаемую им из ссуд, он сразу же полностью продал рудодробильню и рабов (§ 31, 50). Более глубокое объяснение эфемерному на вид интересу Пантэнета к выгодам производства, быть может, следует искать в неблагоприятных обстоятельствах, при которых он должен был вести свое рудодробильное предприятие: необходимый капитал был сконцентрирован в руках кучки ростовщиков. Каковыми бы ни были субъективные мотивы Пантэнета (а их особенно трудно определить ввиду тенденциозного характера источника), производственное предприятие относительно большого масштаба здесь выступает во второстепенной роли, существенно подчиненной более привлекательным выгодам ростовщического капитала.

Рабы, производившие для Пантэнета процент-ренту, в самом прямом смысле эксплуатировались ростовщиками, и для рабов не было того выхода, который нашел себе Пантэнет: им было суждено продолжать вырабатывать серебряную руду на благо все новых и новых денежных паразитов.

В этой же речи встречается один из *loci classici* о народной ненависти к ростовщикам. Никобул, один из кредиторов Пантэнета, предвосхищая нападение противника на него, как на ростовщика, убеждает судей в своих бескорыстных побуждениях при выдаче денег несчастному предпринимателю. Между тем его апология содержит интересный намек на ту черту, которая отделяла профессиональное ростовщичество от мелкой, спорадической деятельности тех, кто, накопив малую толику денег, охотно давал их в рост. Вот что говорит Никобул: «По моему мнению, займодавец как таковой не преступник, хотя некоторые из них вполне заслуживают

¹⁵ Об этой разновидности ипотечной сделки см. Finley, ук. соч., стр. 31 сл. На следующих страницах Финли подробно рассматривает дело Пантэнета.

¹⁶ За исключением, очевидно, краткого периода захвата Эвергом, когда Пантэнет не смог внести проценты (*τοὺς τόκους*—§ 7), как полагалось по условиям контракта.

вашей ненависти; я имею в виду тех, для кого это дело является ремеслом (τέχνη), кем не владеет ни жалость, ни что-либо иное, а только жажда денег... Но тот, кто заработал свое, вроде меня, подвергаясь опасностям морского плавания, и, когда он накопил себе маленькое состояние, из-за желания сделать одолжение и вместе с тем не тратить зря свои деньги, дал их в долг — разве можно сопоставить такого человека с теми другими?» (XXXVII, 53—54). Сказать нечего — мотивировка из ряда вон деликатная!

На основании лишь немногих примеров, взятых из одной группы источников, ничего окончательного, разумеется, не докажешь. Тем не менее, картина, получаемая при сопоставлении общих теоретических установок К. Маркса с определенным, хотя и ограниченным по своему объему конкретным материалом, представляет некоторый интерес. Намеченный ниже набросок этой картины в общих ее штрихах представлен лишь в предварительном порядке в надежде, что он будет служить стимулом к дальнейшему исследованию по пути, столь блестяще начертанному экономической теорией К. Маркса.

* * *

Как указывал К. Маркс, купеческий капитал, занимаясь посреднической торговлей, интенсивно разлагал старые производственные отношения, способствовал разложению самодовлеющих, патриархального типа хозяйств и вступлению их продуктов в обращение как товаров. При этом купеческий капитал присваивал себе большую долю стоимости прибавочного продукта, накапливая значительные денежные капиталы. В результате расширения рыночных связей между греческими городами, возрастающих размеров денежного обращения и накопления денег в руках отдельных лиц создались условия для прибыльного вложения довольно крупных сумм в покупку квалифицированных рабов-ремесленников в целях производства прибавочной стоимости. И действительно, к концу V и началу IV в. появились и постепенно распространились во всех экономически развитых греческих городах рабовладельческие мастерские, в которых эксплуатировались рабы в группах численностью от 5—6 до 50 рабов и больше¹⁷.

Это был крупный сдвиг в развитии рабовладельческой экономики. Но дальше этого в античности дело по существу не двигалось. Предпринимательский капитал не подчинил себе другие свободно существующие формы капитала и не стал господствующей экономической силой; мало того, он даже не достиг сколько-нибудь серьезной степени самостоятельности. В основном это объясняется самим характером способа производства, который задерживал развитие производительных сил, поскольку он, как правило¹⁸, лишал производителей-рабов какой-либо заинтересованности в улучшении техники труда и вместе с тем не расширял рынок сбыта за

¹⁷ Предположения о максимальных размерах эргастериев в IV в. обычно отправляются от количества рабов в эргастериях Демосфена-отца (52 или 53 рабов — см. XXVII, 9) и от текста Платона (Resp., 578d—579a), где сравнивается тиран с владельцем 50 рабов «или больше». Однако то, что от своей изготовляющей щиты мастерской Пасион получал ежегодный доход на 43% больше, чем получал отец Демосфена от обоих своих эргастериев (ср. XXVII, 9 с XXXVI, 11), должно предостерегать нас от слишком легких заключений ex silentio.

¹⁸ В классический период, как известно, уже устанавливалась та разновидность эксплуатации рабского труда, по которой разрешено было рабу (или группе рабов) вести предприятие на собственный счет, отдавая рабовладельцу известную часть доходов (см., например, эргастерий кожевников у A e s c h i n., I, 97, и на рубеже IV—III в. Сирииска, промышленявшего древесным углем, у M e n a n d., Epitrep., 40, 161—163, 190 сл.). Но эта своего рода попытка «заинтересовывать» раба-труженика в повышении продуктивности его труда вряд ли занимала сколько-нибудь значительное место в рабовладельческой экономике того времени.

счет спроса со стороны этих производителей в качестве потребителей. Поэтому производство в целом оставалось направленным на сравнительно узкий спрос, в большой мере на спрос предметов роскоши; и рядом с более крупными рабовладельческими хозяйствами продолжали играть значительную роль мелкие производители, собственники своих орудий производства.

Что касается капитала, приносящего проценты, то, как мне представляется, он, в форме ростовщического капитала, становится сильным, влиятельным фактором там, где денежные капиталы, накопленные в первую очередь в торговле, не находят себе в производстве достаточно просторного и прибыльного поля деятельности.

Ростовщический капитал, затрачиваясь в непроизводительных ссудах, предоставляемых или мелким производителям, или же расточительным богачам типа стратега Тимофея, вел к разорению и того и другого рода должников и тем самым к дальнейшей концентрации богатств как денежных, так и вещественных.

В сфере морской торговли борьба между ростовщичеством и его жертвами оказывалась, быть может, не столь неравной. Ведь в лице купца ростовщик наталкивался на соперника — на «близнеца», как писал К. Маркс, — в деле грабежа и накопления денежных богатств. Однако к IV в. у этого хищника-соперника уже, по-видимому, несколько притупились когти¹⁹. Во всяком случае афинский эмпорий к этому времени, как уже было замечено, представлял собой своего рода инкубатор ростовщичества. Показательно в этой связи замечание Ксенофонта (*Vest.*, IV, 6) о том, как во времена насыщения рынка сельскохозяйственными продуктами «многие бросают эксплуатацию земли и берутся за разного рода торговлю и отдачу денег в рост».

В той сфере ремесла, где к этому времени уже установилась эксплуатация рабского труда, постоянно увеличивался спрос на денежные средства для приобретения основных средств производства, т. е. рабов. Однако в этой сфере, как и в сфере мелкого производства, действие капитала, приносящего проценты, оказалось скорее депрессивным, чем способствующим развитию. Ибо экономический базис производства не являлся и не мог стать достаточно мощным, чтобы привлекать, поглощать и подчинять себе все накапливающиеся денежные массы, жаждущие процента.

Эта картина, поскольку она верно отражает действительность, показывает еще с одной стороны глубину той пропасти, которая отделяет реальный характер взаимоотношений капитала и производства в античности от рабовладельческого «капитализма», который чудится историкам мейеровской школы, не говоря уже о некоторых более старинных «нелепых утверждениях» буржуазной науки, отмеченных в свое время К. Марксом²⁰.

¹⁹ Косвенным свидетельством об укрепившемся к середине IV в. положении ссудного капитала в морской торговле Афин может служить клаузула о займодавцах, вставленная, по-видимому, к этому времени в закон, контролирующей направление хлебных перевозок в Афины. См. *Dem.*, XXXV, 50 сл.; *L. Garnet, Droit et société dans la Grèce ancienne*, P., 1955, стр. 182 сл.

²⁰ К. Маркс, *Капитал*, I, стр. 174, прим. 39: «В реальных энциклопедиях классической древности можно встретить нелепое утверждение, что в античном мире капитал был вполне развит, — „нехватало только свободного рабочего и кредитных учреждений“».

